

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 25.

СУББОТА, ИЮНЯ 27 ДНЯ,

1859 ГОДА.

Кое-что о Губернскихъ Вѣдомостяхъ во- обще.

...Название, программа, данная отъ Прави-
тельства, и дѣлаемыя предъ началомъ каждого
года объявленія огъ Редакціи, довольно ясно и
определѣльно показываютъ назначеніе Гу-
бернскихъ вѣдомостей вообще и ихъ неофи-
циальной части въ особенности. О части офи-
циальной вѣтъ вопроса; она идетъ, какъ ей
следуетъ; но о неофициальной въ послѣднее
время заговорили во всѣхъ періодическихъ из-
даніяхъ.—Неужели же она не удовлетворяетъ
своему назначенію?—Здѣсь обыкновенно помѣ-
щаются мѣстныя описанія однихъ въ тѣхъ же
предметовъ, мѣстныя извѣстія одного и того
же содержанія, старинные документы, стати-
стическая извѣстія, извѣстія о постоянно воз-
вращающихся торжествахъ, увеселеніяхъ, bla-

готвореніяхъ, ярмаркахъ, представленияхъ теа-
тра и тому подобномъ, извлечеія изъ разныхъ
періодическихъ изданій, наконецъ частныя из-
вѣстія. Чего же здѣсь не достаетъ, и что здѣсь
лишнее? Здѣсь вѣтъ бельетристики, критики,
ерудиція и политики; но они для Губернскихъ
вѣдомостей и не полагаются. Здѣсь излишнее
все то, что уже было и является не въ новомъ
и свѣжемъ видѣ; во за исключеніемъ этого
элемента, Губернскія вѣдомости подлежать за-
крытию, какъ изданіе безъ внутренняго солер-
жанія.—Откуда же столько претензій на нео-
фициальную часть?—Ужь не измѣнена ли про-
грамма?—Неудовольствіе происходитъ изъ свѣт-
лаго воззрѣнія на предметъ, но программа не-
измѣнена Правительствомъ и не измѣняется
требованіями публицистовъ. Всякая газета бо-
льше или менѣе является тѣмъ же въ своемъ
значеніи, чѣмъ Губернскія вѣдомости въ сво-
емъ, подобно тому, какъ и человѣчество остает-
ся человѣчествомъ отъ временъ допотопныхъ

во настоящее время. Но все движется, измѣняется, исключая Губернскія вѣдомости, которая, оставаясь Губернскими же вѣдомостями, могли бы также участвовать во всеобщемъ прогрессѣ. Если угодно, онъ и для нихъ начать, но еще не можетъ быть замѣченъ; къ тому же, невидимо къ нимъ ни какого участія и неѣтъ у нихъ средствъ.—Лицѣе и опредѣлительное выразится ихъ значеніе, когда скажемъ, что онъ должны знакомить свою Губернию съ движениемъ общественной жизни и въ своемъ kraѣ и виѣ его, а виѣщія мѣста съ жизнью своей губерніи, показывая при томъ, сколько можно, самыя отношенія внутренней и виѣшней жизни. Тѣ же предметы, одушевленные уже идею, примутъ современный видъ и, можетъ быть, многіе найдутся въ необходимости отозваться на голосъ мѣстной газеты, желая или пополнить ее извѣстія, или объяснить, или опровергнуть,—а при такомъ только участіи и можетъ она сдѣлаться органомъ живыхъ отношеній, какъ въ губерніи, такъ и виѣ ея. Мы, не придавая нашему изданію никакого достоинства, думаемъ ознакоѣть, что такой періодъ наступилъ уже для Губернскихъ вѣдомостей, тому несолько лѣтъ назадъ, обозначился въ Харьковскихъ в. съ 1857, и достигъ некотораго развитія въ Прибавленіяхъ текущаго года. Но велико ли требование на изданіе? Много ли сотрудниковъ? Есть ли у Редакціи средства непосредственно знать все и все исполнить, или возможность имѣть обязательныхъ корреспондентовъ? Это вопросы еще незатронутые; рѣшеніе ихъ непремѣнно улучшать Губернскія вѣдомости, если варочемъ приложится къ лѣзу, а не остается только въ теоріи. Наконецъ, чѣмъ и какъ убѣдить гг. провинціальныхъ корреспондентовъ столичной публицистики, что имена ихъ по только достигли бы столичной извѣстности чрезъ Г. вѣд., если бы находились подъ лѣзомъ статьями, но приобрѣли бы болѣе цѣнности въ своемъ kraѣ; что скорость мѣстныхъ извѣстій несравненно важнѣе въ губерніи, нежели виѣ ея; что можно бы сущность лѣза сообщать въ мѣстное изданіе, а разработанную статейку въ столицу,—или уже свой край нестоитъ этого вниманія; что степень достоинства мѣстной газеты зависитъ отъ степени ихъ участія въ ней... Какъ убѣдить гг. претендентовъ относительно занимательности статей, достоинства бумаги и трифта Г. вѣд., что все это зависитъ отъ числа подписчиковъ, дающаго возможность или невозможность про-

брѣсти и обеспечить все это материальными, денежнми средствами, безъ которыхъ прогрессъ ни въ чёмъ не можетъ состояться? Деньги—локомотивъ свободно-разумнаго развитія въ движении.

С. И. К.

МЫСЛИ НЕКОЗЯННА ПО ПОВОДУ ТОЛКОВЪ О ВВЕДЕНИИ ГРАМОТНОСТИ У КРЕСТЬЯНЪ.

Помнится мнѣ, что вопросъ объ образованіи крестьянского сословія не разъ былъ возбуждаемъ у насъ, и въ обществѣ, и въ литературѣ, всегда отражающей въ себѣ больше или меньше общественные интересы; но едва ли когда-нибудь онъ находилъ себѣ такое сочувствіе въ публикѣ, какъ въ послѣднее время. Возьмемъ ли какой журналъ или газету—и непремѣнно находимъ толки, разсужденія, мнѣнія о введеніи грамотности въ наше мѣсто народа, объ улучшеннѣ его нравственного и физического быта, о заведеніи школъ и проч. Прислушаешься ли къ говору образованнаго класса общества, того класса, котораго взгляды и мнѣнія вырабатываются не подъ эгидою помысловъ объ одномъ личномъ интересѣ и своей выгодѣ, а подъ влияніемъ свободного чувства гуманности—и слышишь, что вопросъ этотъ и тамъ играетъ одну изъ первыхъ ролей въ ряду другихъ современныхъ вопросовъ. Видно, что теперь онъ занимаетъ не то мѣсто, какое занималъ въ быыя времена: прежде онъ являлся какъ мысль одной или несолькихъ личностей, нарушая на время сонъ толпы и за тѣмъ исчезавшая, какъ голосъ вопиющаго въ пустынѣ,—теперь онъ выступаетъ какъ мысль общества, уже созрѣвшая до извѣстной степени убѣжденія.

Ну что жъ? слава Богу! Только вотъ что странно: въ то время, когда повсюду говорятъ о необходимости образованія простаго народа, когда всѣ почти полю-неволю соглашаются съ этимъ, частныя школы не заводятся, просвещеніе почти не распространяется въ народѣ, словомъ все показываетъ, что отъ слова до лѣза еще далеко и что приведеніе въ исполненіе мысли объ образованіи народа увидѣть разы только наши потомки, да и то не близкіе, а ужъ никакъ не мы.

«Что же тутъ страннаго?» спросить насъ какой-нибудь хозяинъ-владелецъ, «дѣло самое естественное и простое.» Кто знаетъ,—можеть быть для нашихъ хозяевъ это и въ самомъ дѣлѣ естественное дѣло, но намъ, не хозяевамъ, оно кажется не совсѣмъ простымъ,—и вотъ почему.

Образованіе полезно—это такая истина, что въ ней вынѣ почти никто не сомнѣвается даже у насъ, обыкновенно долго сомнѣвающихся въ истинахъ, давныиъ-давно признанныхъ всемъ Европою. Мѣщанинъ, купецъ, бѣдный чиновникъ и богатый помѣщикъ одинаково боятся изъ всѣхъ силъ дать своимъ лѣтамъ возможно лучшее воспитаніе, какое только позволяютъ имъ средства, положеніе и обстоятельства. Исключенія, конечно, есть еще, но гдѣ же и вѣтъ ихъ? да при томъ эти исключенія съ каждымъ годомъ становятся все больше и больше анахронизмомъ. Слѣдовательно объ этой истинѣ уже вѣтъ спора: она перешла въ дѣло, въ жизнь, и тѣмъ закончила свою вѣковую борьбу съ предубѣжденіемъ. Теперь спрашивается: отчего мы стали снова въ тупикѣ, когда вопросъ коснулся образованія простаго народа? Уже ли отъ недостатка въ насъ любви къ народу? Но вѣдь отношенія владѣльцовъ и крестьянъ у насъ до сихъ поръ чисто патріархальныя? А въ основаніи патріархальныхъ отношеній именно лежитъ любовь, гуманность, обоюдное желаніе добра, безъ всякой прыщиагоизмы; въ особенности у главы патріархального семейства, на сторонѣ котораго болѣе развитый умъ, образованіе, опытность. Мы называемъ владѣльца—многозначительнымъ именемъ отца, а крестьянъ—именемъ лѣтей, желаю тѣмъ показать обязанности тѣхъ и другихъ, и чувства, въ крѣпкій узелъ стянувшія цѣнь, которые соединяютъ два различные класса одного и того же народа. И при всемъ томъ мы задумываемся обучать ли намъ грамотѣ крестьянъ? Должны же быть этому какія-нибудь основательныя причины, или намъ, не хозяевамъ, придется сомнѣваться въ истинѣ совсѣмъ иной, чѣмъ истинѣ о полезѣ образованія. Посмотримъ на эти причины.

Первая изъ вихъ—бѣдность нашихъ крестьянъ. «Придѣть ли на умъ, говорить, грамота тому, кто не можетъ оторваться отъ мысли о насущномъ кускѣ хлѣба?» Правда, противъ которой спорить труdnо; но правда ли, что наши крестьяне такъ бѣдны? Г. Сабуровъ, одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ хозяевъ, въ «Журналѣ

Сельского Хозайства» между прочимъ говоритъ, что въ случаѣ неурожая, въ Пензенскую губернию никто не повезетъ хлѣба изъ состояній губерній, потому что народонаселеніе ея (т. е. крестьяне, ибо о вихъ идетъ рѣчь) не имѣетъ возможности его покупать.» Если мы это слышимъ отъ пензенскаго помѣщика, то что же услышимъ напримѣръ отъ бѣлорусскаго? Послѣ этого остается согласиться съ владѣльцами въ приведеній причинѣ и, относительно образованія, возложить все упованіе на нашихъ потомковъ. Но здѣсь намъ, не хозяевамъ, представляются два вопроса: одинъ—отчего происходит бѣдность крестьянъ, и другой—исчезнетъ ли она при потомкахъ? Послушайте старожиловъ изъ простаго народа—всѣ они жалуютъ о старинѣ, всѣ они говорятъ, что въ прежніе годы куда какъ лучше было противъ теперяшняго. Мы не имѣемъ никакихъ основаній подозрѣвать въ этихъ жалобахъ ложь или сильное пристрастіе. Въ какомъ же отношеніи прежде лучше было? Безъ сомнѣнія въ отношеніи довольства; чѣмъ же и взмѣрять крестьянинъ худую или хорошую эпоху своей жизни, какъ не этимъ мѣриломъ? Такъ, значитъ, теперь довольство въ крестьянскомъ словіи уменьшилось противъ минувшихъ временъ и дошло до того, что народонаселеніе одной изъ лучшихъ губерній не въ состояніи прокормить себя одинъ неурожайный годъ собственными средствами и должно прибегать къ помощи владѣльцевъ, которые, къ счастію, на столько имѣютъ средства, что кормить цѣлое народонаселеніе и сверхъ имѣютъ кое-что проѣдать. Г. Сабуровъ говоритъ: «недостатокъ хлѣба у нуждающихся помѣщичьихъ крестьянъ (ихъ числится въ губерніи 485,380 душъ об. пола) пополняется изъ господскихъ закромовъ или изъ ихъ кармановъ.» Если такое положеніе выкѣзываетъ похвальную черту однай стороны, то съ другой оно возбуждаетъ печальное чувство, когда видишь, что экономический бытъ огромной массы населенія таковъ, что оно, не въ состояніи само себѣ даже продовольствовать.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что принципы современныхъ патріархальныхъ отношеній не тѣ, что были въ древнія времена; въ противномъ случаѣ не было бы сказаннаго явленія; что вѣка ни на волость не улучшили быта крестьянъ, ибо и теперь они, если вѣрить г. Сабурову, также бѣдны, какъ и прежде, если только не бѣднѣе, какъ увѣряютъ старожилы; что эти вѣка опыта убѣжддаютъ насъ не отклады-

вать дѣло образования народа, ни за одну минуту, ибо приведенная причина, будто бы превратившая просвещенію народа, не имѣть оснований, такъ какъ благосостояніе крестьянъ зависитъ отъ владѣльцевъ.

Другая причина, представляемая многими, состоитъ въ томъ, что будто бы образованіе дѣстуетъ болѣе вредно, чѣмъ полезно на нашихъ крестьянъ. «Вотъ я, говорилъ намъ недавно одинъ помѣщикъ, обучилъ мальчика читать и писать у себя въ конторѣ, и чтожъ вы думаете: вышелъ первый путь и негодяй—работой крестьянской не занимается, а пишетъ доносы да прошенія, да благо самъ учень, учить другихъ ябедничеству, чтобы въ мутной водѣ самому рыбку ловить. Ну, чего жъ тутъ хорошаго ожидать отъ него, доходы приходягъ легко, а потому и нѣтъ нужды дорожить ими: въ кабакъ да въ кабакъ.... Вотъ вамъ и образованіе!» И тутъ есть своего рода правда. Доносы и прошенія оставимъ въ сторонѣ: гдѣ они есть, тамъ есть и причина ихъ, лежащая въ характера простаго народа. Но кромѣ доносовъ и прошеній грамотному мужичку найдется довольно и честной работы въ селѣ, гдѣ на пятьсотъ, шестьсотъ душъ одинъ, много два знаютъ грамотъ. Прочитать ли полученное письмо, отписать ли къ кому, сочинить ли объясненіе о пропажѣ лошади или что другое—мало ли что можетъ быть—къ кому обратиться, какъ въ деревенскому мудрецу, а пойти къ нему съ просьбой—нужно и отнести чтонибудь за трудъ. Вотъ и доходъ. Думаемъ, что доходъ весьма незначителенъ, но если предложить, что онъ достаточенъ для того, чтобы сперва охладить грамотнаго крестьянина къ сельскимъ занятіямъ, а за тѣмъ, по укоренившейся зѣни, заставить его обратиться и къ непозволительнымъ средствамъ добывать копѣйку, то не оттого ли это происходитъ, что на пятьсотъ—шестьсотъ душъ мы имѣемъ только одного грамотѣя? Будь ихъ больше, умѣй хотя одна третъ деревни читать и писать—и грамотѣй потерялъ бы то значеніе, которымъ пользуются у крестьянъ почетныя особы, колдунь, ворожеи и знакари, привыкшіе тоже лежа на боку зашибать копѣйку. Съдовательно здѣсь опять не образованіе вредно, а вредно то, что недостаточно развито образованіе, вредна причина, задерживающая его. Это доказываются случаи—въ другой высшей сферѣ; не рѣкость такие случаи: у васъ нѣсколько дѣтей, вы учили—учили первого изъ нихъ—и онъ, почему

бы то ни было, вышелъ неголай, какъ это часто бываетъ. Вы скрушаитесь, а между тѣмъ другое дѣтище учится, изъ лѣтца лѣтается юношой—и, на вашу бѣду, на злѣе всѣмъ вашимъ—стараніямъ и заботамъ—юношой—мотомъ, юношой—лѣнтыаемъ, юношой, отлично играющимъ въ карты и не менѣе отлично проигрывающимъ ваше достояніе, юношой на все способныи, кромѣ усидчиваго труда и честной работы. Что вы дѣлаете посль такого непредвидѣнаго случая? Приходитъ ли вамъ умъ преклонять образованіе, воспитать дѣтей въ черномъ тѣлѣ и тѣмъ упрочить будущность своего многочисленнаго потомства? Нѣтъ. Долгіа думы въ родительскія чувства заставляютъ васъ обратить болѣе строгое вниманіе на воспитаніе остальныхъ дѣтей и дать имъ болѣе основательное и болѣе прочное воспитаніе, чѣмъ первымъ двумъ. Почему же въ низшей сферѣ—въ крестьянскомъ образованіи случаи неудачи считаются за аргументъ противъ образованія?

Третья причина—это трудность дѣла. Положимъ, что дѣло труло, но слѣдуетъ ли изъ этого, что его не слѣдуетъ начинать? Да притомъ всегда ли и вездѣ лѣ—это трудное дѣло? Говорятъ, гдѣ памъ взять учителей, а между тѣмъ въ рѣдкомъ селѣ нѣтъ церкви и при ней священника. Говорятъ—у насъ нѣтъ средствъ, а между тѣмъ весь расходъ ограничивается постройкой школы, т. е. простаго домика, или даже хаты, да небольшимъ жалованьемъ священнику, дьякону или какому другому учителю. Проѣзжая по нашимъ большими помѣстіямъ, вы часто увидите постройки не приносящія ровно никакого дохода и поглощающія много денегъ; а сельской школы почти нигдѣ не увидите, потому что нѣтъ средствъ у владѣльца.... Сколько денегъ часто идетъ на заведеніе и содержаніе пасарии—и она заводится и содергится для удовольствія хозяина въ отличномъ порядкѣ; а заведеніе и содержаніе школы можетъ быть въ десять разъ стоить дешевле—и она все-таки не заводится. Хлопотъ много, говорятъ другіе, а удовольствія мало, прибавимъ мы... между тѣмъ все хлопоты состоятъ въ личномъ надзорѣ, въ пріюкованіи крестьянъ къ образованію дѣтей, въ поощрепіи ихъ словомъ, а подъ часъ и дѣломъ. Конечно, эти хлопоты велики, когда вѣтъ симпатіи къ ихъ цѣли.... Наконецъ трудно или легко, много хлопотъ или мало, если въ пользу дѣла все убѣждены, какъ утверждаетъ г. К—въ одновремъ изъ №№ «Экономіч. Зап.», то отчего

же у нас не заводятся школы? Г. Никольский, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «Хозяйственное описание Балашевского уѣзда Саратовской губерніи», между прочимъ говоритъ, что въ этомъ уѣзде, т. е. на 50,000 помѣщичьихъ крестьянъ одного мужскаго пола, находится только одна школа. Не этимъ ли выражается убѣжденіе тамошнихъ хозяевъ въ пользу образования народа? Такое же лестное глубокихъ убѣждений выраженіе мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ.

Г. К.—въ замѣчаетъ, что прежде, чѣмъ устроить школу, нужно вкоренить у крестьянъ мысль, что школьнѣе ученіе для нихъ необходимо, нужно въ нравственно образовать. Прекрасно, но что же мы дѣлаемъ для достиженія этой цѣлы? Пока намъ отвѣтятъ на это, мы приведемъ изъ сочиненія г. Никольского слѣдующія слова: «часто безграмотные изъ крестьянъ съ сожаленіемъ говорятъ», что они «слѣпые люди». Услышьте г. К.—въ въ этихъ словахъ отвѣтъ крестьянъ на ваше возраженіе, отвѣтъ, заключающійся въ слѣдующемъ: мы подготовлены къ принятию ученія, только учите насъ и ученьемъ откроте намъ новый светъ и новую жизнь! Что же касается улучшенія нравственности, то спрашиваемъ, какой путь ведетъ къ этому прямѣю образованія? Чѣмъ образованіе человѣкъ, тѣмъ лучше онъ со-знаетъ всѣ отѣнки добра и зла, тѣмъ товьше чутъ Богомъ данной ему душа.

Нѣкоторые, а между прочимъ также и г. К.—въ, говорятъ, что если крестьянинъ и научится грамотѣ, то ему не будетъ впослѣдствіи ни случая, ни времени приложить ее къ дѣлу; ему нѣкогда читать книги, онъ даже праздничный свой отдыхъ не употребить на это, «потому-что, продолжаетъ г. К.—въ, многіе изъ насъ употребляютъ все свое время на карты и другіе вздоры.» Это напоминаетъ намъ отчасти тѣхъ философовъ, которые не подаютъ милостыню нищему потому, что дескать онъ все равно пропьетъ ее. У этихъ мудрецовъ своя мораль; во-первыхъ рѣчь. Вы говорите, что крестьянину нѣкогда заниматься чтеніемъ,—а вамъ-то что за дѣло до этого? Вы прежде исполните свой долгъ отца и благодѣтеля, да за чѣмъ отца, исполните долгъ человѣка,—а что за тѣмъ—не ваша бѣда. Будетъ вашъ мужичекъ читать книги—хорошо, не будетъ—его отвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ человѣкъ—увидительный мастеръ успокоивать свою совѣсть, да и совѣсть то эту долгими эк-

зерціями иной такъ успѣеть выдресировать, что она, какъ ребенокъ, потерявши голосъ отъ долгаго крика, становится безответчице нашего крестьянина.

Я, напримѣръ, страшно люблю играть въ карты—что прикажете дѣлать: человѣкъ и все человѣческое мнѣ не чуждо;—читать мнѣ рѣшительно нѣкогда за еракашемъ, а все-таки, по мѣрѣ силъ и возможности, образовываю своихъ дѣтей тѣмъ и другимъ наукамъ, и думаю, что языко это не совсѣмъ глупо. Думаю даже, что и вы все такъ дѣлаете. Отчего же мы въ этомъ случаѣ не сочиняемъ посыпки, что если намъ за картами нѣкогда заниматься книгами, то и дѣтамъ нашимъ нѣкогда будетъ ими заниматься, а потому и не слѣдуетъ вѣкъ учить: «Э, возразить мнѣ, да здѣсь совѣсть другія обстоятельства: сынъ вашъ умнѣе васъ можетъ распорядиться временемъ.» А почему же вы думаете, что крестьянинъ не лучше настъ съ вами распорядится праздничнымъ отдыхомъ? Онъ рѣдко пропустить обѣдню въ праздничный день, а мы большею частію ее просыпаемъ. Если онъ умнѣе настъ проводить утро, то какое мы имѣемъ право предполагать, что онъ глупѣе настъ проведетъ вечеръ? Да и самое образованіе-то развѣ не стремится къ тому, что бы научить человѣка проводить время съ большою пользою для себя и человѣчества.

Мнѣ можетъ быть скажутъ, что нельзѧ сравнивать чувства наши къ роднымъ дѣтямъ съ чувствами къ дѣтямъ нероднымъ. Кто и говорить про это. Но вспомните, господа, и то, что никто изъ вашихъ дѣтей не требуетъ такъ мало какъ крестьянинъ и никто не платить за ваши услуги такой цѣвой, какъ онъ.

Не скоро пришло бы мнѣ кончить, если бы я стала защищать нашего мужичка противъ каждого оправданія нѣкоторыхъ въ медленномъ распространеніи образованія въ наше народа, и потому ограничусь еще однимъ замѣчаніемъ. Многіе говорятъ, а можетъ даже и думаютъ, что для образованія крестьянъ не пришло еще времія. Трудно отгадать, какія основанія имѣть это мнѣніе, но я полагаю, что и оно, какъ другія, несправедливо. Петръ Великій не думалъ, что въ его времія образованіе варола было преждевременно, а съ тѣхъ поръ прошло полтора вѣка. Тогда были все противъ науки, теперь все за нее. Мнѣ кажется даже, что образованіе народа—такое дѣло, для котораго не существуютъ въ человѣческомъ языке

слова: рано или поздно. За чѣмъ же мы оставляемъ это дѣло нашимъ потомкамъ? Почему, при полномъ сознаніи добра, которое приноситъ съ собою просвѣщеніе, мы не заводимъ народныхъ школъ. Отчего напримѣръ убѣждевія Европы, ни наше собственное убѣждевіе не могутъ заставить насъ скорѣе приступить къ распространенію грамотности въ землемѣрческомъ классѣ? Отчего, отчего...

Въ одномъ изъ захолустьевъ Россіи былъ у меня знакомый помѣщикъ, чудакъ большой руки, но добрый и далеко неглупый человѣкъ. Онъ очень любилъ своихъ крестьянъ, охотно помогалъ имъ во всѣхъ нуждахъ, радѣлъ объ ихъ хозяйствѣ, какъ о своемъ собственномъ, но обучать ихъ грамотѣ ни за какія блага не хотѣлъ. Развѣ я спросилъ его, почему онъ не полумаетъ объ образованіи своихъ крестьянъ. «А потому, что не хочу!» отвѣчалъ онъ мнѣ съ вѣкоторою досадою.—Да почемужъ вы не хотите? «Да потому, что я терпѣть не могу критики въ критиковъ.» Какъ ни неизѣко казалось мнѣ это возраженіе, но я, зная немножко крутой правъ моего собесѣдника, сталъ ему доказывать, что причина его совершенно неосновательна, что критикамъ до него вѣтъ никакого дѣла; что теперь то именно, если ужь на то пошло, критика и можетъ быть вестрога къ нему, а чрезвыцайно благосклонна, когда онъ заведетъ у себя школу и проч. Но обитатель захолустья и слушать меня не хотѣлъ. Привожу этотъ примѣръ для того, чтобы показать, какія иногда смѣшныя причины мѣшаютъ добруму дѣлу.

Въ заключеніе считаю долгомъ просить извиненія у всѣхъ хозяевъ, что незваный, непрошенный явился въ ихъ компанию. Что дѣлать господа: время вынѣче такое, что всякий, хочетъ писать, позовольте же и мнѣ попотѣшиться на старости лѣтъ. Не взыщите, если и опибся въ чемъ-нибудь: ошибка въ фальши не ставится, говоритъ пословица. Дѣло въ намѣреніи, а мое намѣреніе было—подать голосъ за человѣческое достоинство, за любовь безкорыстную, за тѣ чувства, которыми можетъ быть истинно-гордъ человѣкъ въ которыми онъ долженъ свято хранить какъ лучшія изъ Божескихъ даровъ.

З. Г.

О СРЕДСТВАХЪ ВЪ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ГРАМОТНОСТИ.

Въ настоящее время кончились у насъ всѣ споры о грамотности (споры только у насъ и возможные); всѣ согласились въ необходимости ея и многіе стали указывать на разныя средства для ее распространенія. Самое лучшее средство, конечно,—учрежденіе возможно большаго числа мужскихъ и женскихъ народныхъ школъ. А какъ учрежденіе школъ требуетъ большихъ издережекъ, а правительство ваше, принимая всѣ зависятія отъ него мѣры, стѣсняется материальными средствами (*); то многіе начали указывать и на источники средствъ. Одни совѣтуютъ открыть всеобщую подписку; другіе—образовать сельскихъ учителей въ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ, пополамъ съ правительствомъ; третіи находятъ возможнымъ обойтись пока безъ учителей, поруча народное образованіе сельскому духовенству и т. д. Всѣ эти проекты неудобовсполнимы въ практикѣ и далѣтъ далеко не тѣ результаты, какихъ отъ нихъ ожидаются: пожертвованіями можно собрать тысячи, пожалуй, десятки тысячъ руб., а нужны миллионы; обязывать исключительно помѣщиковъ въ пожертвованія для народного образования, при уничтоженіи крѣпостнаго права, было бы несправедливо; духовенство, живущее всегда при церкви, можетъ быть полезно только жителямъ ближайшихъ къ нимъ деревень, да и не имѣть достаточныхъ педагогическихъ свѣдѣній.... Мнѣ кажется, что лучше всѣхъ этихъ мѣръ было бы освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія грамотныхъ людей податныхъ сословій.

Чтобы отвѣтить грамотныхъ людей отъ неграмотныхъ, нужно будетъ, разумѣется, выдавать первымъ свидѣтельства въ знатніи грамоты (отъ школъ или особыхъ, именно для этого учрежденій, комитетовъ). Взимая при выдачѣ ихъ извѣстную плату—напр. хоть по 5 руб. за каждое,—правительство легко можетъ получить значительныя суммы (**), которые съ распространеніемъ грамотности будутъ увеличиваться,—и суммы эти можетъ, несомнѣнно, употреблять на учрежденіе народныхъ школъ.

(*) Журн. М. И. Пр., июль 1857 г. «Отчетъ М. И. Пр. за 1856 г.» стр. 135—138.

(**) Въ низшихъ сословіяхъ теперь немало найдется грамотныхъ людей особенно между горожанами.

Предоставляя средства для учреждения школъ, мѣра эта въ тоже время послужитъ и поощрѣніемъ къ ученію: народъ, видя, что именно ученію онъ обязанъ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, будетъ учиться гораздо охотѣ.

Плата за свидѣтельства, не будучи обязательно, не составить налога и следовательно не можетъ быть обременительна для народа.

Предоставленіе правъ учащимся у насъ не новость: Императоръ Николай I предоставилъ лицамъ всѣхъ сословій, получившимъ учепыя степени, гораздо больше не только личныхъ, но и служебныхъ правъ, которыхъ теперь распространены и на евреевъ (*).

Мѣра эта не можетъ послужить къ ослабленію власти: власть, необходимость которой признается, конечно, прочнеѣ власти, поддерживющейся материальной силой. Притомъ тѣлесное наказаніе допускается не столько потому, что оно не замѣчено, сколько съ цѣлью знакомить массу народа съ властью и карательными законами,—такъ какъ при безграмотности народа для этого нѣтъ никакихъ другихъ средствъ.

Число преступлений отъ этого не увеличивается, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить статистика преступлений любого государства, показывающая, какъ ничтожно число грамотныхъ преступниковъ въ сравненіи съ числомъ неграмотныхъ. Да и странно было бы предполагать, что освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія низшихъ сословій увеличитъ число преступлений, когда этого не было у насъ при освобожденіи дворянства и купечества первыхъ двухъ гильдій: оба эти сословія въ эпохи своего освобожденія едва ли выше стояли въ умственномъ и нравственномъ развитіи, нежели грамотные люди изъ самыхъ сословій въ наше время.

Наконецъ, если въ народныхъ школахъ не будутъ употребляться тѣлесные наказанія, то народъ, не привыкавъ къ нимъ съ лѣтства, еще легче будетъ обходиться безъ нихъ въ зрѣломъ возрастѣ.

(Современникъ.)

Опыты ускоренія созреванія свекловицы. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, вполѣ заслуживающій довѣрія, пишетъ намъ, что сдѣлано новое открытие, относительно созреванія свекловицы, открытие, которое еще болѣе разовьетъ эту часть земледѣлія и будетъ, конечно, имѣть важное влияніе на свеклосахарное производство.

Извѣстно, что главное затрудненіе въ этомъ производствѣ составляетъ то чрезвычайно ограниченное время, втеченіе котораго должно быть окончено весь процессъ его. Свекловица созреваетъ обыкновенно въ концѣ сентября или началѣ октября мѣсяца. До этого срока, сахаристыя частицы, заключающіяся въ пей, не достигаютъ настоащей степени сладости, и следовательно производство сахара не можетъ быть начато. Съ другой стороны, оно не можетъ продолжаться долѣе января, потому что здѣсь является новое препятствіе, не менѣе важное: свекловица начинаетъ уже терять свою плотность и густоту. Слѣдовательно, время производства ограничивается какими нибудь тремя или четырьмя мѣсяцами, что болѣею частью приноситъ фабриканту убытокъ, ставя его въ необходимость обрабатывать сырой матеріалъ—свекловицу, въ зависимости отъ невыгодныхъ условій атмосферическихъ влажній.

При такихъ обстоятельствахъ необходимо было изысканія всевозможныхъ средствъ къ удаленію этихъ препятствій въ промышленности столь важной и зависящей именно отъ земледѣлія.

Наконецъ, недавно, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ ученыиихъ бельгійскихъ агрономовъ успѣлъ въ этомъ. Не щадя ни денегъ, ни времени, онъ дѣлалъ беспрестанные опыты и дошелъ до способа приведенія свекловицы въ содержащихся въ ней сахаристыхъ веществъ въ полное созреваніе—въ августѣ мѣсяца.

Если все, что передано намъ о результатахъ этихъ опытовъ, совершенно справедливо, чему впрочемъ мы не имѣемъ причинъ не вѣрить, то успѣхъ не подтвержденъ никакому сомнѣнію и заслуживаетъ всеобщаго вниманія. Корреспондентъ надѣлъ уѣхать, что онъ видѣлъ самъ у этого агронома, въ первыхъ числахъ августа 1858 года, свекловицу доведенную до совершенной зрѣлости, въ сомѣ до 3 килограммовъ (болѣе 7 фунтовъ) и доставляющую сиропъ въ 57 градусовъ густоты.

Мы не знаемъ еще самого способа достижения такого успѣшнаго результата и будемъ,

(*) Журн. М. Н. Пр. юль 1857 г. «Отчетъ М. Н. Пр.» стр. 112.

вѣроятно, говорить объ отомъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, открытие это принесеть большую пользу этого рода прошѣленности, тѣмъ болѣе, если примѣненіе его не соединено съ какими либо особенностями затрудненіями или значительными издержками, и начатіе производствъ на сахарныхъ заводахъ двумя мѣсяцами раньше, нежели оно до сихъ поръ начиналось, есть усовершенствованіе, безъ сомнѣнія, весьма важное. Оно послужитъ къ увеличенію общественного богатства страны и къ безчисленнымъ выгодамъ всѣхъ занимающихся свеклосахарнымъ производствомъ. Съ нашей стороны, мы душевно желаемъ всевозможныхъ успѣховъ этому открытию, желаемъ, чтобы новые удачные результаты были еще большимъ подтвержденіемъ той пользы, которой мы отъ него ожидаемъ.

Свеклосахарному производству открывается теперь блестательная будущность, вслѣдствіе разрѣшенія этой трудной задачи, бывшей долгое время предметомъ столь постоянныхъ и тщетныхъ изысканій.

(Monit. Industriel.)

— Въ Редакціи Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей получены 2 экземпляра таблиц: 1) Серій частныхъ облигаций по займу въ 150,000 мил. златыхъ, вышедшихъ по жребію въ тиражѣ, бывшемъ 20 апрѣля (2 мая) 1859 года съ показаніемъ номеровъ эти серіи составляющихъ; и 2) вышедшихъ въ тиражѣ 30 апрѣля (12 мая) 1859 года, номеровъ цертификатовъ літ. А, выпущенныхъ Польскимъ банкомъ вместо облигаций втораго польскаго займа въ 150,000 мил. златыхъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Въ г. Харьковѣ, на Конной площа-ди, отдается въ аренду содержание для гостиницы каменный трехъ-этажный домъ, принадлежащий поручику Пльски-скаго драгунскаго полка Казаченкѣ (бывшій прежде купца Замуруева); въ этомъ домѣ двадцать жилыхъ комнатъ, погребъ, подвалъ и лавка съ особою при ней ком-натою для жилья торговца, занимаю-

щаго лавку, дворъ съ деревянными конюш-нями на восемьдесятъ лошадей, съ амба-ромъ для съыпки овса и сѣнникомъ подъ крышею, ледникомъ и колодцемъ. Въ этомъ домѣ помѣщается гостиница и въ настоящее время. О цѣнѣ узнать у священника села Масловки, въ 4 хѣ вер-стахъ отъ г. Чугуева, или у самаго вла-дѣльца дома г. Казаченка въ слоб. Бала-клѣ, близъ г. Чугуева.—1.

2) Въ аптекѣ братьевъ Роше полученъ 26 числа настоящую мысѧцъ новый транспортъ заграничныхъ минеральныхъ водъ разлива 1859 года.

Для СВЕКЛОВИЧНО-САХАРНЫХЪ ЗАВОДЧИКОВЪ въ лавкѣ Морозова, подъ домомъ Колупаева, въ переулкѣ возль аптеки Роше, продается салфеточная рядовина для выжимки свекловицы.

Отъезжаютъ за границу:

- 1) Прусскій подданный Германъ Легерь съ дочерью Елизаветою,—въ Пруссію —1.
- 2) Мекленбургій Шверинская подданная Елизавета Карстенъ съ дочерью своею Аделью,—въ Германию.—1.
- 3) Харьковская 2-й шльдіи купчиха Марья Васильевна Гипдермейеръ Саде,—въ Германию и Францію —1.
- 4) Харьковская купеческая жена Виль-гельмина Курцѣ,—въ Германию и Фран-цию.—3.
- 5) Харьковский купецъ Артуръ Жан-тиль Руко,—въ Германию, Италию, Фран-цию и Англию.—3.
- 6) Дворянинъ, губернскій секретарь Александъ Резоль,—въ Австрію, Бельгию, Пруссію, Францію и Англию.—3.
- 7) Французскій подданный Жакъ Мар-тинъ,—во Францію.—3.
- 8) Прусскіе подданные Сигизмундъ Ле-ви и Сигизмундъ Діамандтъ,—въ Прус-сію.—3.